

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18166-85>

Нефляшева Наима Аминовна
к.и.н., старший научный сотрудник, доцент
Центр цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки РАН, Москва, Россия
innef@mail.ru

«АРАБИСТЫ» ПРОТИВ «ЛАТНИСТОВ»: К ВОПРОСУ О ЛАТНИЗАЦИИ АЛФАВИТА В АДЫГЕЕ В 1920-е гг.

Аннотация. Цель данной статьи – анализ позиций мусульманского духовенства Адыгеи в ходе реализации политики латинизации в Адыгейской автономной области в 1920-е гг. Анализ отечественной и западной историографии советского языкового строительства на Северном Кавказе и в Адыгее, в частности, показал, что при наличии сложившейся проблематики и отдельных направлений исследований данный вопрос находится на периферии исторического знания. Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. Для анализа избранного ракурса проблемы оказался продуктивным семиотический подход. Исследование проводилось методами ретроспективного, сравнительно-исторического, логического и статистического анализа. Автор отмечает, что к моменту языковой реформы духовенство представляло собой авторитетный социальный слой, хотя и стремительно теряющий свои статусные и профессиональные позиции: происходила коренная трансформация его социальных ролей в секулярном и атеистическом государстве. Реакция духовенства и части мусульман Адыгеи на политику латинизации алфавитов для западных адыгов выразилась в проведении съезда мусульман и духовенства в 1925 г. и женского религиозного съезда в 1928 г. Противодействуя латинизации, элита мусульманского духовенства, по мнению автора, не только боролась за доступ к образовательным ресурсам, но защищала базовые сакральные смыслы арабского письма. Замена алфавита мыслилась ими как культурный разрыв, а нарушение религиозной графики было кощунственным и опасным. Латинизация алфавита и в особенности ее пропагандистское обеспечение стали одним из средств, стигматизирующих немногочисленную в Адыгее мусульманскую интеллигенцию и духовенство как препятствие на пути построения нового общества. Латинская графика и языковая реформа стали одним из инструментов борьбы с влиянием мусульманского духовенства, вытеснения мусульманских элит. Ресурс влияния наиболее образованных и авторитетных духовных лиц, потенциально эффективный при реализации социальных и просветительских проектов молодой Советской власти, оказался невостребованным.

Ключевые слова: языковое строительство; латинизация; Адыгея; ислам; арабская графика.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18166-85>

Naima A. Nefliasheva

Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Associate Prof.

Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia

innef@mail.ru

“ARABISTS” AGAINST “LATINISTS”: THE LATINIZATION OF THE ALPHABET IN ADYGEA IN THE 1920s

Abstract. The purpose of the present article is to analyze the positions of the Muslim authority of Adygea in the course of implementing the policy of latinization in the Adyghe Autonomous Region in the 1920s. An analysis of the Soviet, modern Russian and western historiography of Soviet linguistic construction in the North Caucasus and Adygea, in particular, shows that this issue lies on the periphery of historical knowledge. The research methodology is based on the principles of historicism, objectivity and consistency. The semiotic approach has been productive for the analysis of the aspect under consideration. The research was carried out by methods of retrospective, comparative historical, logical and statistical analysis. The author notes that by the time of the Soviet language reform, the clergy was an authoritative social stratum, although it was rapidly losing its status and professional positions: there was a radical transformation of its roles in a secular and atheistic state. The reaction of the clergy and part of the Muslims of Adygea to the policy of the latinization of alphabet for the Western Circassians was expressed in organization the congress of Muslims and clergy in 1925 and the Women’s Religious Congress in 1928. Opposing the latinization, the elite of the Muslim authority, according to the author, not only fought for access to educational resources, but defended the basic sacred meanings of the Arabic script. Replacing the alphabet was seen by them as a cultural gap. The main conclusion is that the latinization of the alphabet and, in particular, its propaganda support became one of the means stigmatizing the Muslim intelligentsia and clergy as an obstacle to building a new Soviet society. Latin graphics and language reform became one of the tools to combat the influence of the Muslim clergy and displace the Muslim elites. The resource of influence of the most educated and authoritative clerics, potentially effective in the realization of social and educational projects of the young Soviet regime, turned out to be unclaimed.

Keywords: linguistic construction; Latinization; Adygea; Islam; Arabic graphic.

Проблематика советского языкового строительства на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. является традиционной для отечественного кавказоведения. Начиная с 1920-х гг. и по настоящее время в рамках разных наук: языкознания, социолингвистики, социологии, истории – сложился и продолжает развиваться корпус профильных исследований. Изучение языкового строительства осуществляется как в широких рамках вопросов национально-государственного и культурного строительства на Северном Кавказе в 1920-е гг., так и в качестве самостоятельного объекта исследования [1–5].

Анализ историографии языкового строительства 1920–1930-х гг. в Адыгее свидетельствует о том, что в исследованиях 1920–1990-х гг. [6–8] создание письменности для адыгов (переход сначала с арабской на латинскую, а затем на кириллическую основу) получило высокую оценку: латинизированный алфавит позволил ликвидировать неграмотность огромного количества людей, расширил возможности для получения начального и среднего образования, способствовал развитию национального литературного языка и литературы, появлению национальной прессы и, в целом, интеграции адыгов в советское политическое и культурно-идеологическое пространство.

В 2010-е гг. в западной и российской академической науке появились исследования, свидетельствующие о неоднозначности и нелинейности процессов латинизации алфавитов языков народов Северного Кавказа [9–12].

И новые, и уже существующие исследования дают возможность продвинуться в изучении проблем языкового строительства в Адыгее, находящихся в стороне от магистральных направлений. Так, в исследовательской тени продолжают оставаться «арабисты», т.е. часть мусульманского духовенства и мусульмански образованной адыгской интеллигенции, выступавшие за сохранение арабского шрифта.

В советской кавказоведческой историографии «арабисты», сторонники реформирования арабского алфавита и создания письменностей на арабской основе, традиционно маркировались как косные реакционные мракобесы, державшие народ в тисках невежества через сохранение арабского алфавита, «трудного в изучении и недоступного широким массам простых тружеников». Такая позиция закрепилась в отечественной историографии и долгое время вообще не подлежала анализу, что упрощало и искажало картину языкового строительства. Заполнение данных исследовательских лакун определяет актуальность данной статьи.

Целью данной статьи является анализ позиций мусульманского духовенства и верующих Адыгейской автономной области в ходе реализации политики латинизации. В такой постановке данный вопрос ставится в адыговедении впервые.

Для реализации цели нами поставлены задачи: выявить сферы, в которых функционировал арабский шрифт у адыгов к началу языковой реформы; реконструировать сложившийся в 1920-х гг. дискурс советской власти по поводу арабского шрифта и арабского языка для народов Северного Кавказа; проа-

нализировать полемики между «арабистами» и «латинистами» на Северном Кавказе, развернувшиеся на конференциях по горской культуре в середине 1920-х гг.; определить идейные позиции и аргументацию «арабистов» в Адыгее, персонифицировать сторонников сохранения арабского шрифта, проанализировать, в каких формах проявлялась позиция «арабистов», выявить мотивы и практики противостояния латинизации, исследовать их влияние на проведение языкового строительства в регионе.

Под латинизацией в данной статье понимается часть политики культурной революции 1920-х гг. по созданию латинизированных систем письма как для бесписьменных народов СССР, так и для народов, имеющих развитые системы письма.

Источниковую базу работы составили документы разных видов и типов – всесоюзные законы и нормативные акты Адыгеи, касающиеся школьного образования и языковой реформы; делопроизводственная документация (протоколы, стенограммы, отчеты, доклады) партийных и советских органов власти Адыгеи по вопросам латинизации; материалы конференций по культурному строительству горских народов в Пятигорске (1923 г.), Ростове-на-Дону (1925 г.), стенографический отчет Тюркологического съезда в Баку (1926 г.); протоколы съезда духовенства и верующих Адыгеи 1925 г. и женского религиозного съезда в ауле Егерухай 1928 г. Большой информационной отдачей обладают статьи теоретиков и практиков латинизации 1920-х гг., опубликованные в специализированных советских изданиях, посвященных языковому строительству, – «Новый Восток», «Культура и письменность Востока». Реализацию поставленных задач невозможно представить без материалов периодической печати Северного Кавказа и Адыгеи 1920-х гг. К специфическому типу источников, значительно расширяющих представление о реакции мусульманского духовенства на латинизацию, относятся сводки и ежемесячные обзоры политического состояния СССР ОГПУ в 1925–1928 гг., в структуре которых отдельное место занимает раздел «О состоянии мусульманского духовенства» автономий Северного Кавказа в 1920-е гг.

Методологическими принципами исследования стали принципы историзма, объективности и системности. Продуктивным для анализа избранного ракурса проблемы является семиотический подход, где «неконвенциональная трактовка знака в сакральном тексте предстает как иррациональное и субъективно-пристрастное отношение к слову, особое благоговение перед словом священного текста» [13, с. 78].

Тема противостояния «арабистов» и «латинистов» проходит через все публикации второй половины 1920-х гг., посвященные культурной революции и языковому строительству в мусульманских регионах страны.

Впервые понятия «арабисты» и «латинисты» появляются в ходе полемики о новом латинизированном алфавите в Азербайджане в 1921 г. Позже Азербайджан станет флагманом всесоюзной латинизации. Основные аргументы «арабистов» и «латинистов», сформулированные на дебатах в Азербайджане,

практически не изменятся, когда языковая реформа примет всесоюзный характер и охватит ряд других народов и регионов. В разных вариациях эти доводы будут повторяться практически до конца 1920-х гг.

Развернутое определение арабистов содержится в одном из текстов 1920-х гг.: «Арабисты раньше были известны под названием реформистов, ислахистов, пока не было вопроса о перемене алфавита. Но как только появились так называемые латинисты, то с того момента реформистов стали называть арабистами. Они стояли за сохранение арабского алфавита с условием его реформирования» [14, с. 37]. В статье Ю. Назирова, подводящей итоги латинизации, арабистами называются «сторонники сохранения старого арабского алфавита и реформированного арабского алфавита» [15, с. 11].

Для осмысления цели данного исследования представляется важным охарактеризовать культурный опыт создания алфавитов для адыгов как на арабской, так и на кириллической основе, накопленный к моменту осуществления советской языковой реформы в Адыгее.

В XIX в. в период интеграции Северного Кавказа в Российскую империю стала складываться система колониального знания об адыгах, в рамках которой продвигались алфавиты и на арабской, и на кириллической основе. Всего с первой четверти XIX в. вплоть до 1918 г. русскими учеными-кавказоведами и адыгскими просветителями было создано 16 алфавитов адыгского языка, из них 7 – на арабской, 9 – на кириллической основе. Все эти алфавиты применялись для ограниченных во времени задач и были рассчитаны на аристократические сословия и узкий круг людей. Сфера функционирования алфавитов на арабской основе была ограничена рамками тех аульных медресе, где они преподавались. Единственный алфавит на арабской графической основе, получивший относительное распространение среди восточных адыгов (кабардинцев), был создан основателями Баксанского культурного движения в начале XX в. Нури Цаговым и Адамом Дымовым¹.

Сосуществование и соперничество арабской и кириллической основ алфавита было характерно для Северного Кавказа на протяжении всего имперского периода и продолжалось в первые годы Советской власти.

Арабский шрифт, на котором были созданы первые алфавиты, соответствовал представлениям адыгов об арабском алфавите и арабском языке как о части символической Вселенной, сконцентрированной вокруг Священной книги, Корана. М. Резван справедливо отметила, что «текст Корана, отдельные суры, айаты, слова и буквы, являясь частью сакральной системы, приобретают собственную сакральность. Для неарабоязычных мусульманских народов любая надпись, выполненная арабской графикой, приобретала сакральное значение,

1 В рамках широкого джадидитского движения, охватившего мусульман Российской империи, Баксанский культурный центр развивался на базе медресе, открытого Адамом Дымовым при финансовой поддержке его отца Габдул-Гафара Дымова. В 1911-1920 гг. центр включал разные медресе и разных лидеров, стал образовательным и просветительским комплексом, основанном на системном взаимодействии исследовательского и учебного процесса в новометодных медресе, где ученики-сохты обучались по учебникам, напечатанным в собственном книжном издательстве.

передавая его и самому предмету» [16, с. 42, 51]. Эти слова в полной мере распространяются и на адыгов.

В этом культурном контексте важно было символическое пиететное, граничащее с эстетическим чувством, отношение адыгов к арабскому языку и арабским буквам, хотя грамотность на основе арабского языка не была распространена широко: к моменту образования Адыгейско-Черкесской автономной области в 1922 г. грамотность адыгского населения составляла 6,87%, процент грамотных женщин составлял 1,64% [17, с. 319]. Грамотой владело в основном духовенство, немногочисленная адыгская интеллигенция и представители высшей социальной иерархии.

Арабская графика стала основой первых советских букварей в первой половине 1920-х гг. Они создавались по инициативе первых советских органов управления для адыгов Кубано-Черноморской области – Комиссариата по горским делам Кубано-Черноморского ревкома, а также Горского исполкома. В региональных источниках 1920–1921 гг. существовало устойчивое выражение «черкесский шрифт» [18], под которым понимался адыгский алфавит на основе арабской графики.

Адыгские просветители С. Сиюхов, И. Хизетль, Ш. Кубов, Х. Тлецерук много работали над созданием первых букварей. Еще до 1917 г. С. Сиюхов, для которого создание букваря для детей было важным личным просветительским проектом, составил букварь адыгского языка на арабской графической основе, изданный в 1919 г. тиражом в 3000 экземпляров². В 1921 г. букварь был переиздан в исправленном и дополненном виде в количестве 3000 экземпляров. На этом букваре в Адыгее обучались в 42 школах³, им были снабжены все адыгские (черкесские) школы Черноморской губернии⁴. В 1918 г. в Екатеринодаре по решению Кубано-Черноморского ревкома алфавит на арабской графической основе был составлен адыгским просветителем А.И. Бекухом. На основании этого алфавита в 1920-1921 гг. выпускалась первая стенгазета для адыгов Кубано-Черноморской области – газета Кубано-Черноморского отделения РОСТА «Советская Кубань» («Советскэ Кубань») [19, с. 267].

Создание алфавитов на арабской графике в 1918–1921 гг. «не выпадало» из привычного этноконфессионального контекста, не создавало ощущения разрыва с прошлым, с традициями и не было болезненно новым для адыгского населения.

Всесоюзная советская языковая реформа, начавшаяся в 1920-х гг., идеологически обосновывалась целым рядом политических документов Советской власти. И.В. Сталин как главный советский специалист по национальному вопросу систематически обращался к проблематике государственного языка и родных языков.

2 Отчет областного отдела народного образования Адыгеи за 1922–1923гг. // Национальный архив Республики Адыгея (далее – ГКУ РА Нацархив). Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 282.

3 Там же.

4 Там же. Л. 283.

«Декларация прав народов России» от 15 ноября 1917 г., основа основ национальной политики большевиков, провозглашала равноправие всех наций, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп России. Ряд законодательных актов 1918–1919 гг. провозглашал право применения местных языков в ходе судебного процесса и в школах.

Тема «родной», «близкой», «понятной» власти – суда, администрации, говорящих на родных языках для трудящихся масс окраин, – поднималась Сталиным постоянно, в отдельных статьях и на выступлениях на партийных съездах. Родной язык становился средством установления «духовной связи», как писал Сталин, между народными массами и властью. «Только таким путем можно сделать Советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин» [20, с. 358; 21; Т. 4. С. 351–363]. В 1918–1920-х гг. первый нарком по делам национальностей развил тему равноправия языков меньшинств и большинства, необходимости развития школы, суда и администрации на родном языке [21; 20, с. 236–239, 394–398].

Переход на латинскую основу письма можно считать первым этапом «советской графической революции», как назвал процессы советского языкового строительства выдающийся лингвист 1910–1930-х гг. Е.Д. Поливанов. В качестве графической основы для бесписьменных народов была выбрана латиница, равно дистанцированная от арабицы как синонима косности и регресса, символизирующей в риторике 1920-х гг. зависимость от реакционного духовенства, невежество и отсталость, так и от кириллицы, отсылающей к православному прозелитизму и эксплуатации нерусских народов в Российской империи. «Русская графика, – писал теоретик и практик латинизации, известный лингвист Н.Ф. Яковлев, – благодаря ее распространению через миссионерские школы, получила для некоторых народностей неприятный для национального чувства привкус русификаторства и насильственной денационализации»⁵. Латиница стала символом приобщения к европейской культуре, прогрессу и мировой революции.

«Застрельщиками латинизации», по выражению Е.Д. Поливанова [22, с. 317], стали якуты, у которых в 1917 г. появляется алфавит С.А. Новгородова. Флагманом перехода с арабской графики на латинскую стал Азербайджан. Проект латинизации тюркских алфавитов, начавшийся в Азербайджане как локальный, через несколько лет стал всесоюзным и охватил не только тюркские народы. Оргбюро ЦК РКП(б) на основе доклада И. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» 25 сентября 1922 г. поддержало Азербайджанский ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности⁶. Это было первое решение Центра о латинизации.

5 Тезисы к докладу Н.Ф. Яковлева. Ко 2-ой конференции по культурному строительству горских народов Северо-Кавказского края // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 59.

6 «О латинском шрифте в мусульманской письменности» // Российский государственный архив социально-политической истории (здесь и далее – РГА СПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 373. Л. 3.

Первый опыт латинизации на Северном Кавказе был реализован в Осетии, хотя в последней существовала развитая письменность и книжная культура на кириллической основе. С 1922 г. в Горской АССР осетины, чеченцы и ингуши учились в школах на родном языке и алфавите на латинской основе» [23, с. 70].

В Адыгее в 1924 г. был принят за основу проект латинского алфавита для западных адыгов (адыгейцев), созданный профессором Института восточных языков Н.Ф. Яковлевым. Яковлев был командирован в Адыгею в 1923–1924 гг. для изучения фонетики адыгейского языка и создания грамматики и алфавита на латинской основе. Аспирант кафедры кавказского языкознания Московского НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР Дауд Ашхамаф, работавший с Яковлевым, позже стал основоположником адыгской академической лингвистики.

Партийные и советские власти Адыгеи поддержали латинизацию, однако осознавали необходимость осторожности и постепенности в переходе на новый алфавит. С. Сиюхов, заведующий облоно Облисполкома Адыгейско-Черкесской автономной области (далее – АЧАО) не раз публично предостерегал от форсирования языковой реформы и указывал на очевидные риски, с которыми столкнется ее реализация.

В докладе Облоно Облисполкому Адыгеи за 1922–1923 г. Сиюхов в качестве отдельного раздела выделил вопрос «О черкесской графике». Он обратил внимание на религиозную традицию, освящавшую арабский шрифт: Коран, ниспосланный на арабском языке, делал арабский алфавит в глазах мусульман даром Всевышнего. «Мусульмане, возбуждаемые фанатическими муллами, увидят в замене шрифта латинским измену вере и откажутся от изучения родного языка при помощи иноверной графики»⁷, – предостерегал Сиюхов, предвидя неизбежную негативную реакцию духовенства и вовлечение рядовых мусульман в эти процессы. С. Сиюхов указал, что латинский шрифт не может удовлетворить всех фонетических особенностей адыгейского языка, поэтому для их обозначения придется создавать «невероятные комбинации разных букв и придумывать новые знаки».

Латинизированный алфавит Яковлева стал распространяться в виде пилотного проекта среди инспекторов облоно и учителей-черкесов. При Совпартшколе в 1924–1925 гг. работали курсы делопроизводства для слушателей-черкесов, курсы для секретарей волостных исполкомов и сельских советов⁸. Несмотря на начало латинизации, в Адыгее по решению партийной коллегии временно продолжалось издание книг, прежде всего букварей, на арабском шрифте⁹.

К середине 1920-х гг. среди партийных идеологов реформ и ученых, работающих в сфере языкового строительства, сложился устойчивый нарратив

7 Отчет областного отдела народного образования Адыгеи за 1922–1923 гг. // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 285.

8 О переводе Адыгейской автономной области на местный язык // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 17. Л. 43.

9 Отчет областного отдела народного образования Адыгеи за 1922–1923 гг. // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1. Л. 286.

по поводу арабской графики, в котором она символизировала прошлое, отсталость и препятствие для прогрессивного развития. Очень важен был и внешний, международный фактор, о котором писал академик В.М. Алпатов: «В те годы переход на латиницу происходил и в Турции. При всей разнице общественных процессов в двух государствах в них была и общая сторона – европеизация культуры...За турецким опытом в те годы у нас пристально следили» [24, с. 65].

Тема бесперспективности и исторической обреченности арабского шрифта для народов Северного Кавказа настойчиво звучала на масштабных региональных конференциях. В июле 1923 г. в Пятигорске Юго-Восточным бюро РКП(б) была созвана конференция по вопросам просвещения горских народов, в 1925 г. – 2-ая конференция по культурному строительству горских народов Северо-Кавказского края в Ростове-на-Дону. Обе конференции поддержали латинизацию, но отвергли всякое воздействие свыше и оставили право выбора графической основы за регионом¹⁰. «Из трех основ, – говорилось в резолюции пятигорской конференции, – арабской, русской и латинской, принятой той или другой народностью, совещание высказывается в пользу латинской основы как наиболее красивой, четкой, достаточно отвлеченной, чтобы не быть элементом русификации ...» [25, с. 71]. Характер обсуждения проблемы латинизации алфавитов на обеих конференциях показывает, что конференции принимали в отношении арабской графики не столько культурно-просветительское и техническое, сколько политическое решение.

Материалы этих конференций давно введены в научный оборот, а их резолюции цитируются практически в каждой работе по культурной революции и языковому строительству. Представляется важным обратить внимание на аргументы противников латинизации, т.н. «арабистов», голос которых практически не слышен в исторических исследованиях.

Н.К. Мухитдинов, представитель Наркомпроса ТАССР со своим докладом «Арабизм или латинизация», был единственным оппонентом латинистов на конференции в Ростове-на-Дону. Он оппонировал, прежде всего, последовательному стороннику латинизации, заведомо образования и культуры Северо-Кавказского крайисполкома, У. Алиеву и профессору Н. Яковлеву. Мухитдинов предостерегал от поспешного введения латинизированных алфавитов в регионах с развитыми традициями ислама, призывал к осторожности: «не следует никогда фетишизировать шрифт, принятие шрифта еще не делает революции» [26, с. 141]. Мухитдинов считал, что латинский шрифт обладает целым рядом недостатков и предложил ограничиться реформой арабского шрифта (увеличением числа гласных звуков), а вопрос о латинизации шрифта принять в порядке «агитации и обсуждения».

Доклад Мухитдинова подвергся резкой критике, прежде всего со стороны У. Алиева, и не был поддержан участниками конференции. Яковлев допускал введение латинской графики для мусульманских народов, если устойчивая

¹⁰ Тезисы (наброски) У. Алиева «О латинизации письмен горских народов и унификации таковых». Ко 2-ой конференции по культурному строительству горских народов Северо-Кавказского края // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

традиция религиозной письменности и широкое распространение грамотности на арабской основе не вызовут противодействия введению нового письма [26, с. 136].

Первый Всесоюзный Тюркологический съезд (26 февраля – 6 марта 1926 г.) в Баку подвел черту под полемиками о целесообразности реформирования арабского шрифта и перспективах латинизации. Большинством голосов (из 134 делегатов 101 – за, 7 – против, 9 – воздержались) съезд принял резолюцию о новом тюркском алфавите, основанном на латинском шрифте.

Единственным «арабистом», выступавшим за реформирование арабского алфавита, был делегат из ТАССР Галимджан Шараф, татарский общественно-политический деятель, автор первых советских татарских букварей на арабской основе. В своем докладе, длившемся более трех часов, Шараф предложил оставить вопрос выбора латинского шрифта для тюркских народов открытым, признавая, что обе – арабская и латинская – системы шрифтов могут быть приемлемыми для тюркских языков [27, с. 418].

Вплоть до середины 1926 г. в Адыгее, несмотря на решения пятигорской и ростовской конференций и Тюркологического съезда, не проводилось системной работы по ликвидации неграмотности на новом латинском алфавите. Первоначальное отношение к алфавиту было сдержанным и настороженным «не только среди темных масс, но и среди культурных слоев населения». Источники свидетельствуют, что часть населения уже «ликвидировала неграмотность» на основе арабской графики и рисковала вновь оказаться неграмотной в условиях новой языковой реформы. Известный адыгский писатель А.К. Евтых в книге «Улица во всю ее длину» образно передает ощущения людей того времени. Герой романа Ибрагим вспоминает: «Адыги никогда не имели письменности, а тут сразу ввели, в двадцатых годах. Ибрагим выучился. А только однажды утром неграмотным проснулся: принесли газету, а в ней объявление, что новый латинский алфавит взамен арабского» [28, с. 28–29].

По данным о состоянии народного образования в 1923–1925 гг., число грамотных на арабской основе адыгов АЧАО составляло 8260 человек, т.е. 12,2% населения [29, с. 176]. В эту цифру вошло число грамотных до 1923–1924 гг. и число лиц, неграмотность которых была ликвидирована на арабизированном алфавите в 1924–1925 г. В 1925–1926 гг. процент грамотного населения среди адыгейцев в АЧАО¹¹ составил 12,4%. Н.Ф. Яковлев в курсе лекций, прочитанных в Первом МГУ, дает немного иные сведения – в 1926 г. грамотность адыгейцев (по его наименованию, «нижние кяхи») составляла 16,9% [30, с. 60]. На Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) в марте 1926 г., при обсуждении итогов Тюркологического съезда, говорилось о наличии «массы грамотного взрослого населения на арабской основе»¹².

11 Население Адыгеи по переписи 1926 г. составляло 113481, из них граждан СССР 112767 человек, из них адыгского населения 52287. См. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Код доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1002 (дата обращения 04.10.2020).

12 Протокол №31 заседания Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 10 мая 1926 г. // Ф. П-1. Оп. 1. Д. 181а. Л. 125.

В течение 1924 – первой половине 1927 гг. в Адыгее сформировалось определенное информационное пространство и читательская среда, в которой функционировал арабский шрифт, – за этот период на основе арабской графики было издано 25 названий книг объемом 115 печатных листов и тиражом 68475 экземпляров [31, с. 298].

Как и предостерегал С. Сиюхов, мусульманское духовенство и верующие негативно отреагировали на замену арабизированного алфавита. К моменту языковой реформы духовенство представляло собой авторитетный социальный слой, хотя и стремительно теряющий свои статусные и профессиональные позиции: происходила трансформация их социальных ролей, функции духовенства, кроме культовой, перераспределялись между советскими органами суда, образования, ККОВами, ЗАГСами. В Адыгее в 1923–1924 гг. служило 146 эфенди¹³, в 45 аулах действовало 126 мечетей¹⁴, из них 7 мечетей были построены в советское время.

Н.Ф. Яковлев, подводя итоги латинизации на Северном Кавказе, писал, что в Адыгее «латинскому алфавиту пришлось выдержать борьбу с распространенным здесь уже после революции массовым письмом на арабской основе» [30, с. 63].

Существует не так много источников, по которым можно судить о реакции адыгского мусульманского духовенства и верующих на реформу письма, и даже имеющиеся сведения чрезвычайно скупы. Большинство публикаций 1920–1930-х гг., посвященных итогам культурного строительства в Адыгее, содержит расплывчатую, лишенную конкретики информацию о противодействии духовенства латинизации. Неясно, в чем же конкретно выражалась «бешеная агитация против латинского алфавита», «стремление ориентировать адыгейский народ в национально-культурном строительстве на панисламистский Восток», о которых говорилось в партийных протоколах и северокавказских периодических изданиях 1920-х гг. [32, с. 365–366].

Одним из красноречивых событий, в ходе которого была впервые высказана позиция духовных авторитетов по поводу сохранения арабской графики, является съезд мусульманского духовенства и верующих Адыгеи в августе 1925 г. [33], состоявшийся практически сразу после конференции в Ростове-на-Дону.

Относительно информативный объем сведений о съезде содержит сводка ОГПУ за октябрь 1925 г. и протокол заседания съезда. Съезд был инициирован Областным исполкомом АЧАО и являлся способом найти компромисс между советской властью и духовными авторитетами, что в целом свойственно политике большевиков в отношении ислама в первой половине 1920-х гг.

Председателем съезда был уполномоченный по созыву съезда, сотрудник Облисполкома, М. Гатагогу, а секретарем – С. Сиюхов. Документы не содержат сведений о том, как делегировались его участники. Известно, что на съезд при-

13 Эфенди – принятое у адыгов обозначение служителей исламского культа.

14 Анкетирование Адыгейского областного статистического бюро // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-4. Оп.1. Д. 12. Лл. 6-5130б.

было 124 человека, эфенди и верующих. В президиум съезда было избрано 10 человек, в том числе самые влиятельные служители мусульманского культа – бывший кадий Екатеринодарского горского словесного суда и бывший член Областного советского суда Магомет Совмиз, эфенди Забит Идрисов, бывший кадий Майкопского горского суда Джанхот Хатков, эфенди Нух Меретуков. В центре внимания съезда находились вопросы создания Духовного управления мусульман в Адыгее и характера преподавания в медресе, которые предполагалось открыть.

Важный в контексте нашего исследования вопрос о замене латинского шрифта арабским был поднят при обсуждении проблем реформирования мусульманского образования. Влиятельный эфенди М. Набоков, выпускник университета Аль-Азхар, предложил на съезде заменить арабским алфавитом вводимый латинский шрифт¹⁵, однако его аргументация и решения съезда по этому вопросу не зафиксированы в выявленных источниках.

Вопрос замены латинского шрифта на арабский находился в одной плоскости с решением съезда об открытии в Адыгее двух школ-медресе (в Фарсском и Псекупском округах¹⁶) как последней возможности сохранения и трансляции знания арабского языка, Корана и ислама. Предполагалось, что медресе с числом учеников до 30 человек в каждом будут содержаться за счет добровольных пожертвований. На фоне количества детей, охваченных советской школой, это число невелико. После съезда кадии Псекупского и Фарсского округов начали собирать средства на постройку медресе.

По имеющимся источникам невозможно проследить, были ли решения съезда по открытию медресе реализованы. Многочисленность участников съезда позволяет рассматривать его как реакцию на продвижение светского атеистического образовательного проекта, а сам съезд как инструмент мобилизации верующих для противостояния этому проекту.

В разгар латинизации главная областная газета «Адыгейская жизнь» публикует на русском языке передовицу «К вопросу о латинизации адыгейского алфавита» Д. Ашхамафа¹⁷, работавшего с Н.Ф. Яковлевым над созданием адыгейской письменности. Ашхамаф был выпускником известного медресе «Галия» в Уфе и может быть условно отнесен к арабски образованной адыгской интеллигенции. Статья оказалась пропита смыслами, касавшимися судьбы арабского шрифта в условиях латинизации алфавита.

Ашхамаф уходит от негативных оценок арабского шрифта, характерных для властного дискурса 1920-х гг., общими фразами («религия не сильна алфавитом») обходит тему замены шрифта, переключая внимание читателей на другой аспект языковой реформы, а именно ее масштабность, позволяющую вписать реформу алфавита в Адыгее в широкий контекст международной и

15 Протокол заседания областного съезда мусульманского духовенства Адыгейской Черкесской Автономной области 5-7 августа 1925 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 96. Л. 36.

16 В 1923-1924 гг. Адыгея была районирована на два округа – Фарсский и Псекупский.

17 Ашхамаф Д. К вопросу о латинизации адыгейского алфавита // Адыгейская жизнь. 1926. 24 мая.

внутрисоюзной повестки, тем более, что аналогичная реформа письменности уже была реализована в Турции, в том числе и у турецких черкесов¹⁸.

Воспользовавшись утверждением Т. Мартина о том, что советское государство использовало практики «сигналирования» через газеты, можно сказать о том, что статья Д. Ашхамафа и была такого рода сигналом, направленным и на духовенство, и на часть адыгской интеллигенции, не поддержавшей форсированную латинизацию, означая, что вопрос о сохранении и реформировании арабского шрифта закрыт.

В июле 1926 г. Бюро обкома ВКП(б) Адыгеи одобрило латинизированный алфавит¹⁹. В это время был создан центр для руководства латинизацией в масштабах СССР – Всесоюзный Центральный Комитет Нового Тюркского алфавита с местопребыванием в Баку и с представительством его в Москве, его возглавил председатель ЦИК Азербайджана Самед Ага Агамали-оглы²⁰.

В 1927 г. в Адыгее был завершён переход с арабской на латинскую графику, в октябре появились первые книги и брошюры на латинице и все издания стали публиковаться на латинской основе²¹, с апреля 1928 г. черкесская часть газеты «Адыгейская жизнь» была переведена на латинскую основу²².

«Вопросы латинизации проходят очень туго», – говорилось в отчетном докладе Адыгейского обкома ВКП(б) на 4-ой партконференции в ноябре 1928 г.²³. Даже «ответственные работники» не спешили изучать черкесский алфавит на латинской основе²⁴. «Ликвидация на латинской основе идет недопустимо медленно», – писала «Адыгейская жизнь» о результатах проверки грамотности населения Особой комиссией при обкоме ВКП(б)²⁵. Психологически часть населения не была готова принять новый алфавит. Известно, например, что в ауле Пчегатлукай крестьянин проник в Штаб всеобщего обучения и уничтожил 25 новых букварей [35, с. 34].

В июне 1927 г. начинаются массовые ликвидации медресе, единственной структуры, где сохранялось преподавание арабского языка и воспроизводились кадры «духовного сословия». Согласно сводке ОГПУ, в Адыгее в июне 1927 г. учтены 23 медресе (11 для взрослых, 12 для детей). К концу июня 1927 г. было закрыто 19 медресе, закрытие 4 медресе планировалось в ближайшее время [36].

18 Интересно, что в это же время была предпринята латинизация алфавита сирийскими черкесами. В 1928-1929 гг. «Черкесское общество содействия науке и просвещению» создает новый латинизированный алфавит и выпускает букварь на латинской основе [34, с. 92].

19 Протокол № 39 заседания Бюро Обкома ВКП(б) Адыгейско-Черкесской автономной области от 5 июля 1926 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 109.

20 В первый год работы Комитета НТА была сформирована его структура и секторы на местах: Северный Кавказ и Закавказье; Поволжье; РСФСР и Крым; Средняя Азия (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Киргизия); Ленинград и Москва [15, с. 13, 16]. Северо-Кавказский Краевой Комитет НТА имел уполномоченных на местах [15, с. 26].

21 Отчетный доклад Адыгейского областного комитета ВКП(б) 4-ой партконференции ноябрь 1928 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 230. Л. 250б.

22 Протокол № 26 заседания Бюро Адыгейского обкома ВКП(б) от 2 апреля 1928 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 236. Л. 84.

23 Отчетный доклад Адыгейского областного комитета ВКП(б) 4-ой партконференции ноябрь 1928 г. // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 230. Л. 250б.

24 Протокол расширенного совещания секретарей райкомов ВКП(б) Адыгейской области // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 235. Л. 113.

25 Ни «бе», ни «ме» // Адыгейская жизнь. 1928. №79(170). 17 октября.

Одновременно с закрытиями медресе в аулах Джерокай, Блечепсин, Хакуринохабльском районе прошли аресты и обыски эфенди, настоявшие и некоторых членов партии, и сотрудников низового аппарата. Среди арестованных был эфенди Нух Меретуков, автор первого сочинения по адыгской истории на арабском языке, опубликованного в Казани в 1913 г.

Реакция верующих выразилась в появлении новых форм протестной активности, таких как поквартальные собрания верующих, составление рекомендательных писем в поддержку арестованных, делегирование почетных стариков, учителей, кулаков в Краснодар с ходатайствами за арестованных, собрания в районных центрах Адыгеи [37]. Люди были полны желания «отстоять своих эфенди чего бы это ни стоило». В общественном дискурсе аресты объяснялись «желанием советской власти ослабить религиозность населения и уничтожить мусульманскую религию, с каковой целью сперва были закрыты медресе, чтобы не дать подготовить новых эфенди, а впоследствии были арестованы старые эфенди, на которых держалась религия» [37].

Важную роль в протестных акциях против введения латинизированного алфавита, как и в целом против советских мероприятий, ведущих к секуляризации и атеизации общества и культуры, в конце 1920-х гг. сыграли женщины-черкешенки. Следует отметить, что процессы языковой реформы совпали с масштабным проектом колхозного строительства и форсированием темпов коллективизации.

Вовлечение женщин в протестные акции можно объяснить как политико-юридическими причинами (более мягкой позицией советского законодательства 1920-х гг. по отношению к женщинам, выступавшим против советских мероприятий), так и культурными (характерная и одобряемая в адыгской традиционной культуре актуализация женской активности в кризисные для общества или отдельной семьи моменты) и психологическими причинами (стремление женщины защитить свою символическую территорию, частью которой является религия). Наконец, к концу 1920-х гг. усиливается давление на мужчин-эфенди, что создало риски их открытого протеста и компенсировалось женскими протестными практиками (митингами, демонстрациями и съездами)²⁶.

24 августа 1928 г. в ауле Егерухай Хакуринохабльского округа состоялся съезд черкешенок. Ранее, в ауле Ходзь 23 августа прошла демонстрация 100 женщин, явившихся в сельсовет с требованием разрешить преподавать Коран в советских школах, открыть медресе, закрыть ясли, снизить налог с эфенди и прекратить хлебозаготовки²⁷.

26 В 1928 г. в Адыгее прогремело «Блечепсинское дело», выступление черкешенок против хлебозаготовок. К лозунгу прекращения хлебозаготовок прибавились «Долой углубленное классовое землеустройство», «Долой коллективизацию», «Долой рождающиеся новые формы быта» (женщины требовали закрытия детских яслей, прекращения отправки детей на учебу, отрицали пользу передачи шариатских сборов ККОВам). См.: Всем райкомам и ячейкам ВКП (б). Строго-секретно // ГКУ РА Нацархив. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 130–130об.

27 Религиозный съезд в ауле Егерухай Адыгее-Черкесской области // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 804. Л. 115.

Женский религиозный съезд в Егерухае собрал 200 участниц из 12 аулов. На повестку дня съезда были вынесены следующие вопросы – сохранение неприкосновенности шариата; разрешение преподавания арабского языка и Корана в советских школах; снижение налогов с духовных лиц, лишившихся права собирать закят и потерявших часть своего дохода; предложение о государственном содержании мулл. Делегатки съезда направили письмо председателю Адыгейского Облисполкома Ш.У. Хакурате, в котором просили сохранить шариат, вернуть мечети, дать возможность учиться в медресе.

Ответственность за организацию съезда была возложена на «реакционное духовенство», которое, по мнению властей, перенесло уже апробированный в Блечепсине женский протест против хлебозаготовок на религию²⁸. Съезд был оценен как происки реакционного духовенства, подстрекавшего женщин к антисоветским выступлениям. Проведение съезда никак не сказалось на снижении темпов латинизации и не привело к корректировке методов ее проведения, хотя работа в сфере эмансипации женщин в Адыгее подверглась анализу и была усилена.

7 августа 1929 г. Пленумом ЦИК СССР и СНК СССР было принято постановление «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР». Постановление обязывало все общесоюзные государственные учреждения и предприятия, в которых документация ведется на арабском алфавите, применять латинизированный алфавит, прекратить издательскую деятельность на арабском алфавите, а вузам и научным учреждениям обеспечить использование нового алфавита. Постановление означало окончательную победу латинизации в стране.

Проанализированные историографический материал и источники позволяют сделать следующие выводы. В многочисленных исследованиях по культурной революции на Северном Кавказе справедливо отмечается, что латинизация создала широкие возможности для быстрой ликвидации неграмотности, формирования национальной советской интеллигенции, более сложного осмысления реальности, построения профессиональной системы институтов духовного воспроизводства. Обратная сторона реформы видится в другом: латинизация алфавита и в особенности ее пропагандистское обеспечение стали одним из средств, стигматизирующих немногочисленную в Адыгее мусульманскую интеллигенцию и духовенство как препятствие на пути построения нового общества.

Латинская графика и языковая реформа стали одним из инструментов борьбы с влиянием мусульманского духовенства, вытеснения мусульманских элит. Ресурс влияния наиболее образованных и авторитетных эфенди, потенциально эффективный при реализации социальных и благотворительных проектов молодой Советской власти, оказался невостребованным.

Перевод письменности с арабской графики на латинскую имел социальные и психологические последствия. Реформа существенно изменила социальные

28 Там же. Л. 115.

функции мусульманского духовенства и способствовала если не его социальной изоляции, то социальному дистанцированию по линии возможностей влияния на информационно-интеллектуальную повестку и потребление знаний. Власть, общество, с одной стороны, и духовенство, с другой, символически стали говорить на разных языках.

Реакция мусульманского духовенства и верующих Адыгеи выразилась в проведении съезда мусульманского духовенства в 1925 г. и женского религиозного съезда в ауле Егерухай в 1928 г.

Элита мусульманского духовенства не просто противилась введению латинского шрифта из «злостных соображений» и сознательно «тормозила прогресс», как это объяснялось и в советских источниках, и в сложившейся советской историографии. Безусловно, она боролась за доступ к образовательным ресурсам и отстаивала свои сферы влияния на общество, но в то же время защищала базовые сакральные смыслы арабского письма, на котором была написана («на языке арабском, ясном») священная книга мусульман – Коран, а сами буквы в сознании мусульман были ниспосланы Всевышним. Духовенство мыслило себя в качестве хранителя и транслятора традиций, видело свою миссию в их сохранении и воспроизводстве, являющихся залогом стабильности. Замена алфавита мыслилась им как нечто деструктивное, влекущее культурный разрыв, а нарушение религиозной графики кощунственным и опасным.

Вторая половина 1920-х гг., период реформирования систем письма и создания латинизированного алфавита для адыгов, стал последним периодом проявления социальной и политической активности мусульманского духовенства Адыгеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане, 1921-1940. М.: Наука, 1975. – 301 с.
2. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2006. – 551 с.
3. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР. М.: Наука, 1979. – 351 с.
4. Магидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1979. – 112 С.
5. Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК –

REFERENCES

1. Daniyalov AD. *Building socialism in Dagestan, 1921-1940 [Stroitel'stvo sotsializma v Dagestane, 1921-1940]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ).
2. Desheriev YuD. *Comparative-historical grammar of the Nakh languages and problems of the origin and historical development of the mountain Caucasian peoples [Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika nakhskikh yazykov i problemy proiskhozhdeniya i istoricheskogo razvitiya gorskikh kavkazskikh narodov]*. Ed. 2nd, revised. Moscow: URSS, 2006. (In Russ).
3. Isaev MI. *Language construction in the USSR [Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR]*. Moscow: Nauka, 1979. (In Russ).
4. Magidov ShG. *Implementation of the Leninist national language policy in the North Caucasus [Osushchestvlenie leninskoi*

«Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь: СГУ, 2012. – 312 с.

6. *Кумахова З.Ю.* Развитие адыгских литературных языков. М.: Наука, 1972. – 280 с.

7. *Кубов Ч.Ч.* Исторический опыт партийного строительства в национальных автономиях Северного Кавказа в переходный период к социализму. Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыг. отд-ние, 1990. – 462 с.

8. *Мекулов Д.Х.* Советы Адыгеи в социалистическом строительстве, 1922–1937 гг. – Майкоп: Краснодар. кн. изд-во: Адыг. отд-ние, 1989. – 160 с.

9. *Красовицкая Т.Ю.* Латинизация графики языков Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. Вып. X. М. – Магнитогорск, 2010. С. 274–293;

10. *Мартин Терри.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 662 с.

11. *Michael G. Smith.* An Empire of Substitutions: The Language Factor in the Russian Revolution // *Harvard Ukrainian Studies.* 35/1-4 (2017-2018). Pp. 125-144.

12. *Томеллеры В.С.* Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе // IX Супруновские чтения: языковой контакт. Минск: РИВШ, 2015. С. 159–170.

13. *Мечковская И.Б.* Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. – 207 с.

14. *Агазаде Ф., Карашаклы К.* Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения. Казань: ВЦК НТА, 1928. – 134 с.

15. *Назирова Ю.* Проведение Нового Тюркского Алфавита в СССР и ближайшие перспективы // Культура и письменность Востока. М., 1928. Кн.1. С. 11–33.

16. *Резван М.Е.* Овеществленное слово: талисманы, обереги, амулеты // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. СПб., 2007. Вып. 1. С. 41–70.

17. Сведения о культурном развитии Адыгеи. 1934 // Культурное строительство Адыгеи (1922–1937 гг.). Сборник документов и материалов. Майкоп, 1958.

18. Протокол заседания коллегии подотдела просвещения национальных меньшинств Кубано-Черноморского областного отдела народного образования о состоя-

natsional'no-yazykovoi politiki na Severnom Kavkaze]. Makhachkala: Dagbuk Publ., 1979. (In Russ).

5. *Temirbolatova AI.* Problems of language policy and language construction in the North Caucasus (on the material of the manuscripts of the archive fund R-1260 GASK - "North Caucasian Mountain Historical and Linguistic Research Institute named after S.M. Kirov" (1926–1937)) [*Problemy yazykovoi politiki i yazykovogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze (na materiale rukopisei arkhivnogo fonda R-1260 GASK – «Severo-Kavkazskii gorskii istoriko-lingvisticheskii nauchno-issledovatel'skii institut imeni S.M. Kirova» (1926–1937))*]. Stavropol: SGU, 2012. (In Russ).

6. *Kumakhova ZYu.* Development of the Adyghe literary languages [*Razvitie adygskich literaturnykh yazykov*]. Moscow: Nauka, 1972. (In Russ).

7. *Kubov ChCh.* Historical experience of party building in the national autonomies of the North Caucasus in the transition period to socialism [*Istoricheskii opyt partiinogo stroitel'stva v natsional'nykh avtonomiyakh Severnogo Kavkaza v perekhodnyi period k sotsializmu*]. Maykop: Krasnodar book publishing house: Adyghe department, 1990. (In Russ).

8. *Mekulov DKh.* Soviets of Adygeya in socialist construction, 1922–1937 [*Sovety Adygei v sotsialisticheskom stroitel'stve, 1922–1937 gg.*]. Maykop: Krasnodar book publishing house: Adyghe department, 1989. (In Russ).

9. *Krasovitskaya TYu.* Latinization of the graphics of the languages of the North Caucasus in the context of modernization [*Latinizatsiya grafiki yazykov Severnogo Kavkaza v kontekste modernizatsii*] *Problems of Russian history.* Issue. X. Moscow-Magnitogorsk, 2010:274-293. (In Russ).

10. *Martin Terry.* Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939 [*Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*]. Moscow: ROSSPEN: B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. (In Russ).

11. *Michael G. Smith.* An Empire of Substitutions: The Language Factor in the Russian Revolution. *Harvard Ukrainian Studies.* 35/1-4 (2017-2018):125-144.

12. *Tomelleri VS.* Struggle between Cyrillic and Latin in the North Caucasus. [*Bor'ba kirillitsy i latinitsy na Severnom Kavkaze // IIX Suprun*

нии просвещения среди горских народов // Сборник документов и материалов. Майкоп, 1958. С. 44–45.

19. Ламосова Н.В. Из истории издательского дела Адыгеи (1920-1930-е годы) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. М.; Краснодар: 2015. С. 265–277.

20. Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 4. С. 351–363.

21. Сталин И.В. Наши задачи на Востоке // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1947. С. 236–239.

22. Поливанов Е.Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР // Новый Восток. М., 1928. Кн. 23–24. С. 314–330.

23. Культурное строительство в Северной Осетии (1917–1941 гг.). Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1974. Т. 1. - 545 с.

24. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997. – 190 с.

25. Крѣжановский Г.Я. Адыгейская национальная письменность // Советская Адыгея. Бюллетень Адыгоргбюро РКП(б), Адыгоблисполкома и Адыгоблплана. Краснодар, 1925. Вып. 1. С. 68–79.

26. Стенографический отчет II краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского края 16-23 июня 1925 г. Ростов-на-Дону: Изд. Крайно, 1926. – 308 с.

27. Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд. Стенографический отчет. Баку: НагылЕви, 2011. – 550 с.

28. Евтых А.К. Шуба из двенадцати овчин. Роман в двух книгах. М.: Советский писатель, 1989. – 704 с.

29. Письмо Адыгейской областной плановой комиссии представительству Адыгейско-Черкесской автономной области при ВЦИКе о состоянии народного образования в 1923-1926 гг. // Культурное строительство Адыгеи (1922-1937 гг.). Сб. документов и материалов. Майкоп, 1958. С. 175–177.

30. Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Краткий обзор и классификация. Тифлис, Заккнига, 1930. – 69 с.

Readings: Language Contact. Minsk: RIVSh, 2015:159-170. (In Russ).

13. Mechkovskaya IB. *Social Linguistics [Sotsial'naya lingvistika]*. Moscow: Aspect Press, 1996. (In Russ).

14. Agazade F, Karashakly K. *Essay on the history of the development of the new alphabet movement and its achievements [Ocherk po istorii razvitiya dvizheniya novogo alfavita i ego dostizheniya]*. Kazan: VCC NTA, 1928. (In Russ).

15. Nazirov Yu. Implementation of the New Türkic Alphabet in the USSR and immediate prospects [Provedenie Novogo Tyurkского Alfavita v SSSR i blizhaishie perspektivy]. *Culture and writing of the East*. Moscow, 1928;1:11-33. (In Russ).

16. Rezvan ME. Reified word: talismans, amulets, amulets. Central Asia. Tradition in the face of change [Oveshchestvlennoe slovo: talismany, oberegi, amulet. Tsentral'naya Aziya. Traditsiya v usloviyakh peremen]. St. Petersburg, 2007;(1):41-70. (In Russ)

17. Information about the cultural development of Adygea. 1934. [Svedeniya o kul'turnom razvitiy Adygei. 1934.] *Cultural construction of Adygea (1922-1937)*. *Collection of documents and materials*. Maykop, 1958. (In Russ)

18. Minutes of the meeting of the board of the subdepartment of education of national minorities of the Kuban-Chernomorsky regional department of public education on the state of education among the mountain peoples [Protokol zasedaniya kollegii podotdela prosveshcheniya natsional'nykh men'shinstv Kubano-Chernomorskogo oblastnogo otdela narodnogo obrazovaniya o sostoyanii prosveshcheniya sredi gorskikh narodov]. *Collection of documents and materials*. Maikop, 1958:44-45. (In Russ)

19. Lamosova NV. From the history of the publishing business of Adygea (1920-1930s). [Iz istorii izdatel'skogo dela Adygei (1920-1930-ye gody) *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony: collection of scientific articles*. Moscow, Krasnodar, 2015:265-277. (In Russ)

20. Stalin IV. The policy of Soviet power on the national question in Russia [Politika Sovetskoi vlasti po natsional'nomu voprosu v Rossii]. *Works*. Moscow: State publishing house of political literature, 1947;(4):351-363. (In Russ).

21. Stalin IV. Our tasks in the East. [Nashi zadachi na Vostoke Works]. Vol. 4. Moscow: OGIZ. 1947:236-239. (In Russ)

31. Из статьи А. Хатанова в журнал «Революция и горец» «Адыгейская печать за 10 лет» о развитии книгоиздательства за период с 1924 года по 1932 год // Культурное строительство Адыгеи... С. 297–301.

32. Из протокола заседания бюро Адыгейского областного комитета ВКП(б) о переводе адыгейского алфавита на русскую графику. 30 октября 1937 г. // Культурное строительство Адыгеи. Майкоп, 1958. С. 365–366.

33. Обзор политического состояния СССР за октябрь 1925 г. // «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М.: Институт Российской истории РАН, 2002. Т. 3.

34. Черкесы Сирии латинизируют алфавит // Революция и горец. 1929. №1–2 (3–4). С. 92.

35. Римский Л.М. Адыгея в боях за сплошную грамотность. М.: Наркомпрос РСФСР, 1931. – 39 с.

36. Обзор политического состояния СССР за июнь 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно». Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1924 гг.). М., 2003. Т. 5. URL:

37. Обзор политического состояния СССР за июль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления) // «Совершенно секретно». Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1924 гг.). М., 2003. Т. 5.

22. Polivanov ED. The main forms of the graphic revolution in the Turkish writings of the USSR [Osnovnye formy graficheskoi revolyutsii v turetskikh pis'mennostyakh SSSR]. *Novyi Vostok*. Moscow, 1928;(23-24):314-330. (In Russ)

23. Cultural construction in North Ossetia (1917–1941) [Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoi Osetii (1917–1941 gg.)]. *Collection of documents and materials*. Ordzhonikidze, 1974;(1). (In Russ)

24. Alpatov VM. *150 languages and politics: 1917-1997. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space [150 yazykov i politika: 1917-1997. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva]*. Moscow, 1997. (In Russ)

25. Kryzhanovsky GYa. Adyghe national writing [Adygeiskaya natsional'naya pis'mennost']. *Soviet Adygea. Bulletin of the Adygorgburo of the RCP(b), Adygooblspolkom and Adygooblplan*. Krasnodar, 1925;(1):68-79. (In Russ)

26. *Verbatim report of the II regional conference on culture and education of the mountain peoples of the North Caucasus region, June 16-23, 1925 [Stenograficheskii otchet II kraevoi konferentsii po voprosam kul'tury i prosveshcheniya gorskikh narodov Severo-Kavkazskogo kraia 16-23 iyunya 1925 g.]*. Rostov-on-Don: Krayono, 1926.

27. *First All-Union Turkological Congress. Verbatim report [Pervyi Vsesoyuznyi Tyurkologicheskii S"ezd. Stenograficheskii otchet]*. Baku: NagylEvi, 2011.

28. Evtykh AK. *Fur coat from twelve sheepskins. A novel in two books [Shuba iz dvenadtsati ovchin. Roman v dvukh knigakh]*. Moscow: Sovetsky Pisatel, 1989.

29. Letter from the Adyghe regional planning commission to the representative office of the Adyghe-Cherkess Autonomous Region under the All-Russian Central Executive Committee on the state of public education in 1923-1926. [Pis'mo Adygeiskoi oblastnoi planovoi komissii predstavitel'stvu Adygeisko-Cherkesskoj avtonomnoi oblasti pri VTsIKE o sostoyanii narodnogo obrazovaniya v 1923-1926 gg.] *Cultural construction of Adygea (1922-1937). Collected documents and materials*. Maykop, 1958:175-177. (In Russ)

30. Yakovlev NF. *Languages and peoples of the Caucasus. Brief review and classification [Yazyki i narody Kavkaza. Kratkii obzor i klassifikatsiya]*. Tiflis, Zakkniga, 1930.

Статья поступила в редакцию 9.09.2021 г.

31. From the article by A. Khatanov in the journal "Revolution and Highlander" "Adyghe Printing for 10 Years" about the development of book publishing for the period from 1924 to 1932. [Khatanova v zhurnal «Revolutsiya i gorets» «Adygeiskaya pechat' za 10 let» o razviti knigoizdatel'stva za period s 1924 goda po 1932 god] *Cultural construction of Adygea*: 297–301.

32. From the minutes of the meeting of the Bureau of the Adyghe Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the translation of the Adyghe alphabet into Russian graphics. October 30, 1937. [Iz protokola zasedaniya byuro Adygeiskogo oblastnogo komiteta VKP(b) o perevode adygeiskogo alfavita na russkuyu grafiku. 30 oktyabrya 1937g.]. *Cultural construction of Adygea*. Maykop, 1958:365-366. (in Russ)

33. *Overview of the political state of the USSR for October 1925. "Top Secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922-1934)*. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2002. (In Russ)

34. The Circassians of Syria Latinize the alphabet [Cherkesy Sirii latiniziruyut alfavit]. *Revolution and Highlander*. 1929;1-2(3-4):92.

35. Rimsky LM. *Adygea in the battles for complete literacy [Adygeya v boyakh za sploshnyuyu gramotnost']*. Moscow: Narkompros RSFSR, 1931. (In Russ)

36. *Review of the political state of the USSR for June 1927 (according to the data of the United State Political Administration). "Top Secret". Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1924)*. Moscow, 2003. Vol. 5.

37. *Review of the political state of the USSR for July 1927. (according to the data of the United State Political Administration). "Top Secret". Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1924)*. Moscow, 2003. Vol. 5.